
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(363.2)

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ПОЭМА «ИУДИФЬ» КАК ОТРАЖЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МЕНТАЛИТЕТА АНГЛОСАКСОВ

И. О. ЕВТУХОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется отражение западноевропейского раннесредневекового менталитета в древнеанглийской поэме «Иудишь» с использованием таких методов исследования, как *кластеризация* (формирование кластера вербальных отражений ментальных установок) и *историко-семантический анализ* объектов, включенных в кластер. Информация поэмы «Иудишь», связанная с менталитетом, касается двух сюжетов – мотивации к участию в битве и посмертного наказания главного антагониста Олоферна. Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов. Во-первых, поэма «Иудишь» не является прямым стихотворным парафразом одноименной книги Ветхого Завета. В тексте содержатся дополнения, несущие совершенно новую информацию, раскрывающую в том числе и проблемы, связанные с менталитетом (речь Иудифи, посмертная судьба Олоферна). Во-вторых, поэма «Иудишь» позволяет выделить два уровня в системе менталитета англосаксонского общества – базовый и формирующийся. Первый из них представлен концептом «слава» (*wuldor* и *tir*). Использование слова *wuldor*, уходящего корнями во времена общегерманской общности (связь с готским языком) и неизвестного викингам, указывает на значительную устойчивость структур, связанных с ментальностью общества. Для англосаксов основой были война и слава. Такую же устойчивость демонстрирует уважительное отношение к предводителю вражеского войска. Второй уровень представлен концептом «змеиный зал» (*wurm-sele*), который сформировался во время войн с викингами в X в. за освобождение захваченных ими территорий. В-третьих, наличие двух уровней в менталитете позволяет рассматривать период его формирования в качестве открытого. При этом новация, возникшая под скандинавским влиянием, в ментальности не закрепились.

Ключевые слова: менталитет; раннее Средневековье; англосаксы; древнеанглийская поэма «Иудишь».

Образец цитирования:

Евтухов ИО. Древнеанглийская поэма «Иудишь» как отражение раннесредневекового менталитета англосаксов. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;1:62–68.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-62-68>.

For citation:

Yeutukhou IA. Old English poem «Judith» as a reflection of Anglo-Saxon early medieval mentality. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;1:62–68. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-62-68>.

Автор:

Игорь Орестович Евтухов – доктор исторических наук; профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Ihar A. Yeutukhou, doctor of science (history); professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
ewtuhov@tut.by

СТАРАЖЫТНААНГЛІЙСКАЯ ПАЭМА «ЮДЗІФ» ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ РАННЕСЯРЭДНЕВЯКОВАГА МЕНТАЛІТЭТУ АНГЛАСАКСАЎ

I. A. ЕЎТУХОЎ^{1*}

^{1*} Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца адлюстраванне заходнееўрапейскага раннесярэднявечавага менталітэту ў старажытнаанглійскай паэме «Юдзіф» з выкарыстаннем такіх метадаў даследавання, як *кластарызацыя* (фарміраванне кластара вербальных адлюстраванняў ментальных устаноў) і *гісторыка-семантычны аналіз* аб'ектаў, уключаных у кластар. Інфармацыя паэмы «Юдзіф», звязаная з менталітэтам, тычыцца двух сюжэтаў – матывацыі да ўдзелу ў бітве і пасмяротнага пакарання галоўнага антаганіста Алаферна. Праведзены аналіз дазволіў зрабіць шэраг высноў. Па-першае, паэма «Юдзіф» не з'яўляецца прамым вершаваным парафразам аднайменнай кнігі Старога Запавету. У тэксце змяшчаюцца дапаўненні, што нясуць зусім новую інфармацыю, якая раскрывае ў тым ліку і праблемы, звязаныя з менталітэтам (прамова Юдзіфі, пасмяротны лёс Алаферна). Па-другое, паэма «Юдзіф» дазваляе вылучыць два ўзроўні ў сістэме менталітэту англасаксонскага грамадства – базавы і той, што фарміруецца. Першы з іх прадстаўлены канцэптам «слава» (*wuldor* і *tir*). Выкарыстанне слова *wuldor*, якое сыходзіць каранямі ў часы агульнагерманскай супольнасці (сувязь з гоцкай мовай) і невядомае вікінгам, паказвае на значную ўстойлівасць структур, звязаных з ментальнасцю грамадства. Для англасаксаў асновай былі вайна і слава. Такую ж устойлівасць дэманструе паважлівае стаўленне да правадыра варажэга войска. Другі ўзровень прадстаўлены канцэптам «змяіная зала» (*wyrn-sele*), які сфарміраваўся падчас войнаў з вікінгамі ў X ст. за вызваленне захопленых ім тэрыторый. Па-трэцяе, наяўнасць двух узроўняў у менталітэце дазваляе разглядаць перыяд яго фарміравання ў якасці адкрытага. Пры гэтым навацыя, якая ўзнікла пад скандынаўскім уплывам, у ментальнасці не замацавалася.

Ключавыя словы: менталітэт; Раннее сярэднявекое; англасаксы; старажытнаанглійская паэма «Юдзіф».

OLD ENGLISH POEM «JUDITH» AS A REFLECTION OF ANGLO-SAXON EARLY MEDIEVAL MENTALITY

I. A. YEUTUKHOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes the reflection of the Western European early medieval mentality in the Old English poem «Judith». The following research methods were used: *clustering* (formation of a cluster of verbal reflections of mental attitudes) and *historical-semantic analysis* of objects included in the cluster. Poem «Judith» information, connected with the mentality, concerns two lines: the motivation to participate in the battle, and the posthumous punishment of the main antagonist of Holofernes. The analysis allowed the author to draw the following conclusions. Firstly, the poem «Judith» is not a direct poetic paraphrase of the eponymous book of the Old Testament. The text contains a number of additions that carry completely new information, revealing in particular problems associated with the mentality (Judith speech, the posthumous fate of Holofernes). Secondly, the poem «Judith» allows us to distinguish two levels in the mentality of Anglo-Saxon society – basic one and emerging. The first of them is represented by the concept of «glory» (*wuldor* and *tir*). The use of the word *wuldor* indicates a significant stability of structures associated with the foundations of the mentality of society. For Anglo-Saxon society such a basis was war and glory. The glory had been denoted by the word, rooted in the days of the Old German community (linked to the Gothic language), and unknown to the Vikings. The same stability shows respect for the leader of the enemy troops. The second level is represented by the image of «snake hall» (*wyrn-sele*), which was formed during the wars with the Vikings in the 10th century for the liberation of the occupied territories. Thirdly, the presence of two levels in the mentality allows author to consider the period of its formation as open. Thus the innovation, arising under Scandinavian influence, was not entrenched in mentality.

Keywords: mentality; Early Middle Ages; Anglo-Saxons; Old English poem «Judith».

Введение

Древнеанглийская героическая поэма «Иудиф» представляет собой пересказ одноименной второканонической библейской книги, повествующей о жительнице иудейского города Ветилуй, осажден-

ного войсками ассирийского царя Навуходоносором под предводительством полководца Олоферна. Доступ к воде был перекрыт, и старейшины города во избежание мучительной смерти от жажды ре-

шили сдаться на волю победителя, если в течение пяти дней не получат помощь от бога. В лагерь ассирийцев отправилась молодая вдова Иудифь, чтобы добиться встречи с Олоферном и убить его. На протяжении трех дней ассирийский полководец принимал ее в своем лагере. А на четвертый день Олоферн устроил пир и пригласил на него свою гостью: *Et factum est, in quarto die Holofernes fecit coenam servis suis, et dixit ad Vagao eunuchum suum: Vade, et suade Hebræam illam ut sponte consentiat habitare tecum* (Jud. 12:10) 'И было, на четвертый день Оло-

ферн сделал пир для своих слуг и сказал Вагою, еунуху своему: «Иди и убеди еврейку ту, чтобы добровольно согласилась жить со мной»¹.

С описания пира и начинается поэма, которая соотносится с отрывком 12:10 – 16:1 библейской книги. После описания пира и убийства Олоферна следует рассказ о возвращении Иудифи в Ветилуй и победоносной атаке горожан против захватчиков. Таким образом, поэт (или более поздний переписчик) оставил без внимания победную песнь Иудифи, ее пребывание в Иерусалиме и последние дни жизни.

Основная часть

Источник. Поэма «Иудифь» завершает вторую часть кодекса Cotton Vitellius A XV, который хранится в Британской библиотеке. Последние шесть строк записаны почерком XVI в. Возможно, их переписали в манускрипт с отдельного листа, до наших дней не сохранившегося. Проведенный анализ корешка кодекса показал, что проделанные книжными червями ходы в последних листах «Беовульфа» не совпадают с ходами в первых листах «Иудифи» [1, р. 169]. Данное обстоятельство говорит о том, что поэма ранее входила в состав другого манускрипта. При работе над статьей использовалось вышедшее в 2010 г. издание «Кодекса Новелла», включающее в себя тексты с параллельным переводом (проза и поэзия), комментарий [2, р. 297–323].

Сохранившийся текст поэмы «Иудифь» открывается окончанием 9-й главы и охватывает заключительные три главы, обозначенные римскими цифрами: X, XI, XII. Точная дата создания произведения определению не поддается. Д. Кронан, опираясь на мнения, высказанные Т. Кайблом и Р. Фальком, датирует «Иудифь» серединой 900-х гг. [3, р. 48].

Начало поэмы не сохранилось, поэтому неоднократно предпринимались попытки хотя бы приблизительно восстановить его содержание. Наиболее простым является арифметический подход. Общий объем дошедшего до наших дней фрагмента поэмы – 350 строк. Учитывая, что главу в среднем составляют 100 строк, можно предположить, что были утрачены около 900 строк. Первым такие подсчеты сделал известный английский филолог-германист Г. Брэдли [4, р. 179]. В пользу этого предположения свидетельствует также сохранившаяся нумерация глав поэмы.

Для того чтобы доказать, что начало поэмы было намного меньшим по объему, чем предполагаемые 900 строк, следовало вынести за скобки вопрос о нумерации глав. Точка зрения о том, что нумерация глав с поэмой не связана, впервые высказана в статье «Утраченное начало “Иудифи”», опубликованной в 1955 г. [5, р. 170].

Данная идея стала одним из краеугольных камней гипотезы М. Хакер, изложенной в двух докладах, сделанных на конференциях медиевистов в Мичигане и Лидсе, и в написанной на их основе статье. Исследовательница поставила под сомнение датировку римских цифр – номеров глав периодом X в., отметив, что они могли появиться в манускрипте намного позже, в XV в. [6, р. 7]. В результате вопрос о том, каким именно материалом неизвестный англосаксонский поэт заполнил первые девять глав поэмы, утратил свою актуальность.

Следующий шаг заключался в анализе внутренней структуры текста. М. Хакер выделила в конце поэмы группу из трех слов: *geleafan* (acc./dat./gen. sing.) – вера, *tweode* (3rd pers. sing. pret. indic.) – сомневаться, *miltse* (acc./dat./gen. sing.) – милость. При более внимательном изучении оказалось, что два из этих трех слов есть и в начале поэмы. Исследовательница пишет: «*Geleafan* и *tweode* оба встречаются в начале и конце поэмы, но в обратном порядке. *Miltse*, последнее слово поэмы, не встречается в начале. Если тем не менее порядок всех трех слов был обратный, то *miltse* должно быть первым из трех. Оно должно входить в утраченное начало и по правилу симметрии должно быть последним словом в открывающей строке (строка 0*) поэмы... Если мы признаем, что эти ключевые слова маркируют начало и конец поэмы, то это может означать, что утрачено не более пяти строк от начала поэмы» [6, р. 11–12].

В настоящее время тезис о том, что утраченное начало поэмы было не очень большим по объему, является наиболее распространенным [7, р. 117].

Историография. Поэма «Иудифь» довольно долго находилась на периферии внимания англосаксонистов. Этому способствовал целый ряд факторов: небольшой объем (всего 350 строк), неоригинальный сюжет (пересказ библейской книги), фрагментарная сохранность (начало до нашего времени не дошло). Перемещение поэмы в сторону центральных областей интересов англосаксонистики происходило постепенно, по мере оформле-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. Е.

ния новых методов и появления новых объектов для анализа.

Статья Дж. Кэмпбелла «Схематическая техника в “Иудифи”» [8] рассматривает внутреннюю структуру поэмы на достаточно широком фоне. Автор привлекает к анализу не только соответствующие фрагменты из библейской книги, но и комментарии к ней, сделанные в раннем Средневековье.

Ирландский исследователь П. Лукас дал своей статье вполне нейтральное название – «“Иудифь” и женщина-герой» [9], хотя текст показывает, что автор, скорее всего, желает поставить в конце знак вопроса. Он решил рассмотреть главного персонажа поэмы через призму германской героической традиции. Первая же сделанная им оценка оказывается не в пользу Иудифи: «Будучи героем древнеанглийской поэмы, Иудифь не является женщиной-воином» [9, р. 21]. У нее для этого просто мало физических сил. Кроме того, «будучи женщиной, Иудифь не может даже приказывать мужчинам готовиться к битве, как смог бы командир-мужчина; она просит об этом» [9, р. 22]. Несмотря на такой «негероизм» Иудифи, противопоставление *герой* – антигерой в поэме присутствует. Раскрывается оно П. Лукасом через слово *heoden* (господин, правитель), которое связано и с Олоферном, и с богом. Также к ним обоим относится эпитет *hehstan* (высочайший). Итоговый вывод автора таков: Иудифь выступает представительницей бога, что вполне согласуется с германской традицией [9, р. 25]. Статья интересна еще и тем, что фиксирует гендерную границу в рамках германского общества: «Как женщина Иудифь не может быть германским вождем со своими дружинниками²» [9, р. 27]. Гендерная граница закрепляется исследователем путем использования личного местоимения мужского рода, а не женского, хотя речь идет о женщине.

Очерк Т.-А. Купер «Иудифь в поздней англосаксонской Англии» [1] состоит из трех частей: первая посвящена проповеди Эльфрика по библейской книге «Иудифь», вторая – англосаксонской поэме, третья – соответствующей миниатюре в Винчестерской Библии (XII в.). Сравнивая образ Иудифи в проповеди и поэме, автор приходит к выводу, что оба произведения были призваны побудить англосаксов к борьбе с викингами, но в проповеди акцент сделан на духовный отпор, а в поэме – на военный [1, р. 184].

Определенный интерес для рассматриваемой темы представляет статья Х. Чиккеринга «Поэтический избыток в древнеанглийской “Иудифи”» [10]. Исследователь видит в авторе поэмы не переводчика, а поэта, который, «возможно, не работал с письменными источниками вообще и, вероятно, только слышал историю в церкви» [10, р. 123]. Принятие этой позиции позволяет, во-первых,

по-другому взглянуть на соотношение в поэме библейской и эпической составляющих, во-вторых, предположить, что автором был скоп (на это указывает «избыточность» поэтического материала), и, в-третьих, определить целевую аудиторию поэмы – дружинники. Данное обстоятельство дает возможность перенести рассмотрение источника в идеологическую плоскость, связанную с ментальностью (через мотивацию).

Проблему соотношения исходного библейского текста и поэмы рассматривает в статье «Искусство перевода в древнеанглийской “Иудифи”» Л. А. Гарнер [11]. В итоге исследовательница приходит к выводу, что мастерство автора «Иудифи» состояло в том, что он «творчески связал материал источника с англосаксонской поэтической традицией» [11, р. 177]. Целью расширений текста было подчеркивание героизма еврейской армии и самой Иудифи.

Учитывая, что протагонистом поэмы является женщина, которая по мере развития сюжета убивает мужчину и призывает сограждан к вооруженной борьбе с захватчиками, произведение привлекло внимание специалистов по гендерной истории.

К. Лочри, например, пришла к выводу, что провал плана Олоферна изнасиловать Иудифь и его последующая декапитация привели к неспособности ассирийского войска выполнять свою гендерную роль, т. е. воевать. Автор пишет: «Взаимосвязанные категории *мужское* и *женское* лежат в основе большинства иерархических структур (командир – подчиненный) и войны (победитель – побежденный, сексуальное насилие – военное насилие). Когда эти категории перечеркиваются или не исполняются, как это случилось при декапитации Олоферна, наступает кризис индивидуальной и групповой идентичности» [12, р. 16].

Исследовательская гипотеза. Поэма «Иудифь» была создана в период тесных контактов (в том числе и культурных) англосаксов с викингами из соседней «Области датского права», что *могло привести* к проникновению отдельных элементов скандинавского происхождения в англосаксонский менталитет и последующему взаимодействию новых элементов со старыми. Сам факт проникновения *будет означать открытый характер* менталитета англосаксов в этот период.

Методы исследования. Автор исходит из того, что «исторический менталитет – это совокупность способов и содержания мышления и восприятия, характерная для определенного коллектива в определенное время. Менталитет проявляется в действиях» [13, S. XXI]. Основным действием англосаксов в рассматриваемый период была борьба за освобождение занятых викингами («датчанами») земель, отраженная в том числе в поэме «Иудифь».

²В оригинале *with his comitatus*.

В данном случае принципиально важные установки менталитета имеют вербальное выражение.

Таким образом, в статье использованы следующие методы исследования: *кластеризация* (формирование кластера вербальных отражений ментальных установок) и *историко-семантический анализ* объектов, включенных в кластер.

Информация о менталитете англосаксонского общества. Информация поэмы «Иудифь», связанная с менталитетом, касается двух сюжетов – мотивации к участию в битве и посмертного наказания Олоферна.

Первый из указанных сюжетов раскрывает напутственное слово Иудифи воинам, идущим в бой.

Вариант библейской книги: *Dixit autem Iudith ad omnem populum: Audite me fratres, suspendite caput hoc super muros nostros. Et erit, cum exierit Sol, accipiat unusquisque arma sua, et exite cum impetu, non ut descendatis deorsum, sed quasi impetum facientes. Tunc exploratores necesse erit ut fugiant ad principem suum excitandum ad pugnam. Cumque duces eorum cucurrerint ad tabernaculum Holofernus, et invenerint eum truncum in suo sanguine volutatum, decidet super eos timor. Cumque cognoveritis fugere eos, ite post illos securi, quoniam Dominus conteret eos sub pedibus vestris* (Jud. 14:1–5) 'Сказала тогда Иудифь всему народу: «Послушайте меня, братья, поместите голову эту на стенах наших. И будет, с восходом Солнца возьмет каждый оружие свое и идет в бой, не задерживаясь в пути, но постоянно атакуя. Тогда разведчики должны торопить, чтобы вынудить их вождя идти в бой. И, когда их командиры поспешат к шатру Олоферна и найдут его тело, в его крови лежащее, упадет среди них ужас. И, когда вы поймете, что они бегут, спешите за ними в безопасности, ибо Господь положит их под ноги ваши»'.

То есть героиня предлагает конкретный план проведения боевой операции: атакой вынудить противника обратиться к своему вождю, обнаружить тем самым его смерть и посеять панику в рядах вражеского войска.

Вариант древнеанглийской поэмы: *Ic eow secgan mæg / þonc wyrðe þing, þæt ge ne þurfen leng / murnan on mode. Eow ys metod bliðe, / cyninga wuldor; þæt gescyðed wearð / geond woruld wide, þæt eow ys wuldorblæd / torhtlic toward ond tir gifede / þara læddra þe ge lange drugon* 'Я вам сказать могу / благодарную вещь, что вы не нуждаетесь более / жаловаться в душе. Вам является бог благосклонный / конунгов слава; что объявлено было / для мира широкого, что вас ждет славы успех / великолепный неизбежный и слава предоставленная / за эти скорби, которыми вы долго страдали' (строки 152–158).

Как видно, сюжетная линия совершенно иная. Нет никакого плана предстоящей битвы. Есть стремление вдохновить идущих в бой воинов. При этом выстраивается следующая последовательность: помощь бога, дающего славу конунгам; ве-

ликолепный и неизбежный успех славы; и, наконец, слава, предоставленная как вознаграждение за перенесенные страдания.

Ключевым здесь является понятие «слава» (передается словами *wuldor* и *tir*), примененное автором поэмы в различных сочетаниях: *cyninga wuldor*, *wuldor-blæd*, *tir gifede*. Частота использования обоих слов в сохранившемся тексте поэмы примерно одинакова: *wuldor* – 6 раз, *tir* – 4 раза, что указывает на их равнозначность и взаимозаменяемость для автора.

Материал словаря Босворта – Толлера свидетельствует про одинаково широкое распространение указанных слов в англосаксонских текстах, причем на всем протяжении существования древнеанглийского языка: от «Беовульфа» до «Жития св. Юлианы», сохранившегося в записи, датируемой 1230 г. [14, р. 988, 1279]. Кроме того, словарь устанавливает связь древнеанглийского *wuldor* с готским *wulþus* и не указывает на возможный аналог в древнеисландском языке [14, р. 1279]. Значит, это слово викингам, скорее всего, было незнакомо. Для слова *tir* такой аналог обнаруживается – *tírr* [14, р. 988]. Что, впрочем, неудивительно: слово *tir* было характерно также для древнесаксонского и древневерхненемецкого языков [14, р. 988, 1279].

Использование слова *wuldor*, уходящего корнями во времена общегерманской общности (связь с готским языком) и неизвестного викингам, указывает на значительную устойчивость структур, относящихся к ментальности общества. Для англосаксов такой основой были война и слава.

Еще одним элементом, сохраняющим максимальную устойчивость в англосаксонском менталитете, является оценка вождя, которая, как показывает поэма, не зависит от того, на чьей стороне он воюет. Антагониста Иудифи – крайне отрицательного персонажа, осужденного на вечные кары после смерти, – автор характеризует в ряде контекстов весьма положительно: *goldwine gumena* – золотой друг воинов (строка 22), *swiðmod since brytta* – храбрый духом сокровищ даритель (строка 30), *byrnwigena brego bearhtme* – воинов в кольчужных рубашках господин яркий (строка 39).

Второй из рассматриваемых сюжетов относится к низвержению души Олоферна в ад. Следует особо отметить, что разработка сюжета является исключительной заслугой автора поэмы, поскольку в тексте библейской книги «Иудифь» о посмертной судьбе Олоферна не сказано ни слова.

...*gæst ellor hwearf / under neowelne næs ond ðær genyðerad wæs, / susle gesæled syððan æfre, / wyrmtum bewunden, wítum gebunden, / hearde gehæfted in hellebryne / æfter hinside. Ne ðearf he hopian no, / bystrum forðylmed, þæt he ðonan mote / of ðam wyrmsle ac ðær wunian sceal / awa to aldre butan ende forð / in ðam heolstran ham hyhtwynna leas* '...дух в другое место направился / под крутой утес и там утоплен

был, / к мучению привязан навсегда, / змеями зят-
нут, пытками связан / тяжкими, заключенный в ад-
ский огонь / после исхода. Не имел оснований он
надеяться, / сумерками окутанный, что он оттуда
может / из змеиногo зала, но жить должен / вечно
до жизни без конца впереди / в темном доме без
радостей надежд' (строки 112–121).

В предложенном описании особого внимания заслуживает слово *wurm-sele* (змеиный зал). В-первых, место посмертного вечного заключения и наказания определяется словом «зал», которое в древнеанглийской поэзии неразрывно связано с вождем и его дружиной. После смерти Олоферн не перестает быть воином и переходит в особый зал. Хотя это место страшное и безнадежное, оно все-таки предназначено для воинов.

Взятый в целом композит *wurm-sele* является словом уникальным. Больше он не встречается ни разу во всем корпусе англосаксонской поэзии. Это обстоятельство может указывать на то, что образ места мучений как «змеиногo зала» приобретает актуальность именно в X в. (время создания поэмы).

Восприятие загробного мира англосаксами в более ранние периоды зафиксировано в поэме «Genesis A» [15, p. 1–142], в которой для описания мук павших ангелов применялась следующая система образов: дом страдания (*witehus*) для ссылки (*wræcna*) (строка 39), где им суждено находить-

ся в вечной ночи, бедствиях, окруженные огнем и пронзительным холодом, дымом и пламенем (строки 41b – 45a). Использование образов огня, стужи, дыма при показе посмертных мучений душ зафиксировано также в записанном Бедой Достопочтенным «Видении Дриктхельма» (VIII в.).

Теоретически связь между «змеиным залом» и «домом страданий» может быть установлена, но она будет весьма неустойчивой: 1) нет прямого семантического соответствия; 2) уже в XI в. образ «змеиногo зала» покидает англосаксонскую систему восприятия мира.

В то же время «змеиный зал» как место мучений присутствует в одной из древнейших частей скандинавской «Старшей Эдды», известной как «Прорицание вёльвы» (др.-сканд. *Völuspá*).

Вот этот контекст: *Sal sá hon standa / sólu fjarri / Náströndu á, norðr horfa dyrr. / Fellu eitrdropar / inn um ljóra, / sá er undinn salr / orma hryggjum* [16, p. 101] 'Зал увидела она стоящий / от солнца далеко / на Настрёнде («Берег Мертвых». – И. Е.), на север смотрят двери. / Яд капает / внутрь через дымоход. / Вокруг стен / змеи обвиваются'.

Все необходимые элементы системы присутствуют: зал, место мучений, змеи. Высказанное предположение о заимствовании англосаксами образа «змеиногo зала» у викингов можно считать подтвержденным.

Заключение

Проведенный анализ позволяет предложить следующие выводы.

1. Поэма «Иудифь» не является прямым стихотворным парафразом одноименной книги Ветхого Завета. В тексте содержится ряд дополнений, несущих совершенно новую информацию, раскрывающую в том числе и проблемы, связанные с менталитетом (речь Иудифи, посмертная судьба Олоферна).

2. Поэма «Иудифь» дает возможность выделить два уровня в системе менталитета англосаксонского общества – базовый и формирующийся. Первый из них представлен концептом «слава» (*wuldor*

и *tir*). Он уходит корнями во времена общегерманской общности и сохраняет свою актуальность на протяжении столетий. Такую же устойчивость демонстрирует уважительное отношение к предводителю вражеского войска. Второй уровень представлен концептом «змеиный зал» (*wurm-sele*), который сформировался во время войн с викингами в X в. за освобождение захваченных ими территорий.

3. Наличие двух уровней в менталитете позволяет рассматривать период его формирования в качестве открытого. При этом новация, возникшая под скандинавским влиянием, – «змеиный зал» – в ментальности не закрепились.

Библиографические ссылки / References

1. Cooper T-A. Judith in late Anglo-Saxon England. In: Brine KR, Ciletti E, Lähnenmann H, editors. *The sword of Judith: Judith studies across the disciplines*. Cambridge: Open Book Publishers; 2010. p. 169–196.
2. Fulk RD, editor and translator. *The «Beowulf» manuscript. Complete texts and «The Fight at Finnsburg»*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; 2010. 374 p.
3. Cronan D. Poetic words, conservatism and the dating of Old English poetry. *Anglo-Saxon England*. 2004;33:23–50. DOI: 10.1017/S026367510400002X.
4. Bradley H. The numbered lections in Old English poetical MSS. In: *Proceedings of the British Academy 1915–1916*. London: Humphrey Milford; 1916. p. 165–187.
5. Woolf RE. The lost opening to the «Judith». *The Modern Language Review*. 1955;50(2):168–172.
6. Häcker M. The original length of the Old English «Judith». More doubt(s) on the «missing text». *Leeds Studies in English*. 1996;27:1–18.
7. Fulk RD, Cain CM. *A history of Old English literature*. Oxford: Blackwell; 2005. 346 p.

8. Campbell JJ. Schematic technique in «Judith». *English Literary History*. 1971;38(2):155–172.
9. Lucas PJ. «Judith» and the woman hero. *The Yearbook of English Studies*. 1992;22:17–27. DOI: 10.2307/3508373.
10. Chickering H. Poetic exuberance in the Old English «Judith». *Studies in Philology*. 2009;106(2):119–136.
11. Garner LA. The art of translation in the Old English «Judith». *Studia Neophilologica*. 2001;73(2):171–183. DOI: 10.1080/003932701753401474.
12. Lochrie K. Gender, sexual violence, and the politics of war in the Old English «Judith». In: Harwood BJ, Overing GR, editors. *Class and gender in Early English literature: intersections*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 1994. p. 1–20.
13. Dinzelbacher P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte. In: Dinzelbacher P, editor. *Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen*. Stuttgart: Kröner; 1993. S. XV–XXXVII.
14. Toller TN, editor. *An Anglo-Saxon dictionary: based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth*. Oxford: Clarendon Press; 1898. XII, 1302 p.
15. Krapp GP, editor. *The Junius manuscript. The Anglo-Saxon poetic records. Volume 1*. New York: Columbia University Press; 1931. LVIII, 247 p.
16. Schach P. Some thoughts on Völuspá. In: Glendinning RJ, Bessason H, editors. *Edda: a collection of essays*. Winnipeg: University of Manitoba Press; 1983. p. 86–115.

Статья поступила в редколлегию 09.09.2019.
Received by editorial board 09.09.2019.